

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 17—31
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.2

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 17—31
ББК 66.3(2Рос),123
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.2

ФРАКТАЛЬНОСТЬ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО РЕСУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. А. Кашина^а, Л. А. Василенко^б

^а Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

^б Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

Анализируются возможности использования синергичного потенциала социума, связанные с оптимизацией гендерных отношений в обществе и выравниванием ресурсообеспеченности гендерных групп. Вводится понятие гендерного ресурса как потенциала общественных изменений, порождаемого включением в государственную политику задачи оптимизации управления биологическим и социальным воспроизводством населения. Раскрывается фрактальный характер гендерных отношений в обществе. Показывается связь фракталов гендерных отношений, ролей и статусов гендерных групп с характером использования государством гендерного ресурса. Обосновывается необходимость перехода к новым фракталам гендерных отношений, позволяющим интенсифицировать применение гендерного ресурса государственной политики и управления.

Ключевые слова: биологическое и социальное воспроизводство, гендерные отношения, гендерный ресурс, государственная политика и управление, фрактал.

**FRACTALITY OF GENDER RELATIONS AND THE USE
OF GENDER RESOURCE OF THE PUBLIC POLICY
AND ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA**

M. A. Kashina^a, L. A. Vasilenko^b

^aNorth-West Institute of Management — Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The authors analyze the possibilities of using the synergistic potential of the society which is related to the optimization of gender relations in the society and equalization of the resource availability for the gender groups. The notion of a gender resource is presented as a possibility of social changes which is derived from the inclusion of the task of population's biological and social reproduction optimization in the activities of the public administration bodies. In the article two forms of using the gender resource are considered. The first form is an extensive (wasteful) one. It means the policy of gender relations conservation and the promotion of traditional gender norms. The second form is could be called intensive (increasing). In this case the government will modernize the gender relations and norms. The article reveals the fractal nature of gender relations in the society, the connection of fractals of gender relations, roles and statuses of gender groups with the nature of the use of the gender resource by the public administration. It also substantiates the necessity and conditions for the transition to new fractals of gender relations that allow to intensify the application of the gender resource of the governmental policy and administration.

Key words: biological and social reproduction, gender relations, gender resource, public policy and administration, fractal.

Поиск новых ресурсов развития, ведущийся Правительством России в целях решения задач, поставленных Президентом РФ В. В. Путиным¹, актуализирует анализ синергического потенциала социума, одним из проявлений которого выступает гендерный ресурс государственной политики и управления (подробнее см.: [Кашина, 2018]).

Методология исследования

Эффективное управление обществом требует выявления всего спектра возможных факторов, которые могут стать причиной смены направления течения социальных процессов. Одним из таких факторов в глобализирующемся информационном обществе является характер отношений больших социальных групп — женщин и мужчин. Эти отношения могут модернизироваться,

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.10.2018).

консервироваться или даже регрессировать, возвращаясь к уже пройденным этапам общественного развития. Государство играет ведущую роль в этих процессах, хотя нельзя недооценивать и других акторов гендерной политики — общественные и бизнес-организации, СМИ, а также международное сообщество.

Современная гендерная политика Российской Федерации реализуется в соответствии с Национальной стратегией действий в интересах женщин на 2017—2022 гг.² Сложный процесс разработки и принятия этой стратегии обусловлен противоречивостью ценностных оснований российского общества, амбивалентностью его отношения к гендерным проблемам. Стратегия практически обошла стороной трудности мужской части населения России, требующие не менее серьезного внимания государства, чем трудности женщин. Она во многом демонстрирует использование традиционных управленческих способов решения гендерных проблем. Однако даже в этом «усеченном» варианте Стратегия неоднозначно принята в нашем обществе. Далеко не все считают ее необходимой. Доказательством может служить дискуссия, развернувшаяся в российской части Интернета после того, как проект стратегии был опубликован для общественного обсуждения. Так, к примеру, председатель общественного движения «Семья, любовь, Отечество» Л. А. Рябиченко полагает, что «негативное отношение к роли матери и хозяйки, заложенное в Стратегии в качестве основного мотива для изменения государственной политики, является прямой угрозой семейным и духовно-нравственным ценностям и традициям»³.

Противоречивость ценностных оснований российского общества выражается в том, что, с одной стороны, усиливается тенденция возврата к старым патриархатным семейным ценностям [Василенко, Кашина, 2015; Гурко, 2013; Муравьева, 2014]; с другой — процессы глобализации и цифровизации требуют распространения в обществе ценностей модернизированных.

Маятник качнулся в сторону от модернизационных тенденций мировой цивилизации и в силу роста в России влияния ортодоксальных религиозных институтов, которые закрепляют представление о вторичности значения женщин в общественном развитии. В общественном сознании актуализируются традиционные роли мужчин и женщин. Феминистки со своим достаточно экспрессивным выражением протеста против насилия и дискриминации по признаку пола становятся объектом серьезной критики в СМИ. Феминизм и гендерные исследования в России все чаще связывают с призывом к свободе в сексуальных отношениях и пропагандой нетрадиционной сексуальной ориентации, ведущими к разрушению традиционной семьи (см., напр.: [Устинкин и др., 2016]). Это зачастую выступает безосновательным «доказательством» того, что европейские ценности (в том числе и равноправие женщин и мужчин) не соответствуют российскому менталитету, а значит, женщинам не место в политике и на руководящих постах.

² Национальная стратегия действий в интересах женщин: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р. URL: <http://government.ru/docs/26698/media/files/njlkIvH7WCvOiyRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Рябиченко Л. А. Политика России впервые переориентируется на противостояние полов и борьбу с «мужским доминированием» // Русская народная линия. 2017. 9 марта. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/09/politika_rossii_vpervye_pereorientiruetsya_na_protivostoyanie_polov_i_borbu_s_muzhskim_dominirovaniem/ (дата обращения: 20.10.2018).

В то же время для российского общества все более насущными становятся тенденции глобального цивилизационного развития, что, например, выражается в принятии Правительством России программы цифровизации. Информационное общество не основано на физической силе, в виртуальном пространстве биологические (возрастные, половые и др.) и гендерные различия утрачивают свое стратифицирующее значение. На первый план выходят совершенно иные факторы, связанные с производством и использованием информационного контента. Среда, в которую погружен современный человек, представляет собой хаотизированное самоорганизующееся пространство разделяемых смыслов и культурных кодов, создающее соответствующий контекст и условия деятельности социальных агентов. Актуализированная часть пользователей сети Интернет участвует в трансляции национальной культуры, ценностей, традиций, образцов поведения и действий новым поколениям, формирует самосознание и мышление, образ жизни, жизненную позицию, социальную активность личностей и социальных общностей. И эти коммуникационные процессы предполагают обращение к современным (модернизированным) гендерным нормам и ценностям, основанным не на идее господства одного пола над другим, а на необходимости их партнерства.

Все сказанное выше актуализирует анализ природы гендерных отношений и поиск способов их учета в гендерной политике государства.

Гендерные отношения в российском обществе и государственная гендерная политика неоднократно становились предметом исследований отечественных авторов. Социологи, политологи, историки и экономисты анализируют формы, механизмы и способы поддержания гендерного неравенства в обществе, акцентируя внимание на объективности процесса перехода от традиционных гендерных отношений (патриархатных) к современным (эгалитарным) (см., напр.: [Айвазова, 2017; Калабихина, 2011; Рябова, Овчарова, 2016; Середа, 2011; Хасбулатова, 2015]). Они показывают взаимосвязь и преемственность советских и постсоветских гендерных контрактов и их влияние на положение женщин и мужчин в обществе [Айвазова, 2011]. Особое внимание уделяется феномену гендерной политики и ее месту в общей системе социальной политики государства [Климашевская, Крутов, 2013; Константинова, 2017; Меланьин, 2013], гендерным аспектам функционирования политических элит [Канапьянова, 2007; Козлова, 2016]. В то же время критика непоследовательности и неэффективности проводимой государством гендерной политики редко переходит в разработку практических рекомендаций по изменению ситуации, что связано, скорее всего, не с отсутствием таких предложений у авторов, а с пониманием ими институциональных ограничений для их реализации. Легитимированность гендерного неравенства в России, подкрепляемая традиционными религиозными ценностями и консервативной идеологией, сводит на нет попытку ученых сместить фокус государственной гендерной политики в сторону отказа от абсолютного пронатализма и акцентирования безусловной приоритетности материнской роли женщины.

Тем не менее обозначенные выше вызовы современности требуют активизации поиска новых моделей гендерной политики государства на основе методологии, более релевантной, чем пронатализм и традиционализм. В качестве

такой методологии может выступить теория фрактальности гендерных отношений, позволяющая вскрыть их рекурсивную природу, дополненная полипарадигмальной концепцией гендерного ресурса государственной политики и управления, отличительной чертой которой выступает акцент на взаимовыгодности равноправного сотрудничества гендерных групп.

Цель статьи — определить условия перехода к новым (современным) фракталам гендерных отношений, позволяющим интенсифицировать применение гендерного ресурса государственной политики и управления.

Авторы ставят следующие задачи:

- раскрыть фрактальный характер гендерных отношений в обществе;
- показать связь фракталов гендерных отношений, ролей и статусов гендерных групп с характером использования государством гендерного ресурса;
- обосновать необходимость перехода к новым фракталам гендерных отношений как условие расширенного воспроизводства и интенсивного использования гендерного ресурса государственной политики и управления.

Фрактальная природа гендерного разрыва и асимметрии

Историческая память подразумевает не просто знание конкретных фактов, но прежде всего наличие фиксированных образов прошлого: гендерных установок и принципов поведения, которые обрели свою социальную значимость у потомков и включены в стратегию индивидуальной и групповой деятельности в соответствующем обществе [Овчарова, 2017: 104]. С этой точки зрения гендерную асимметрию можно рассматривать как фрактал, эволюционно и рекурсивно воспроизводимый в социуме. Фрактальный характер социальных процессов как особой части живой природы подробно рассмотрен в статье Л. А. Василенко, Л. А. Колесниковой и М. П. Пискаловой-Паркер «Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии» [Василенко и др., 2012]. Фрактальное самоподобие представляет собой особый механизм обратных связей, обусловленный итерационными процессами. Именно рекурсивное циклическое повторение изначальной формы по одному и тому же правилу в различном масштабе определяет универсальность механизма фрактального упорядочения, в том числе отношений между мужчинами и женщинами.

Деструктивные фрактальные образцы, культурные традиции, связанные с опытом существования общностей в условиях прошлых общественных формаций, когда господствовал принцип выживания сильнейших, упорно и настойчиво загоняют нас в «колею», о которой говорит А. А. Аузан, рассматривая институциональную экономику [Аузан, 2017]. Стереотип об оправданности силового утверждения своего влияния в экономике и политике аналогичен устаревшему стереотипу об отношениях между полами, конфессиями, расами и нациями, когда есть доминирующие и доминируемые. Парадокс в том, что силовой захват реализуется сегодня под флагом демократии. При этом суть остается прежней — овладеть доступом к ресурсам и не допустить к ним конкурентов, обозначив их (в том числе культурно-символически) как слабых, неспособных, недостойных.

Однако есть и иные пути развития, другой опыт порождения новых культурных традиций, новых фракталов. В свое время жители Древней Руси отказались от язычества в пользу православия, после победы большевиков советский народ

отказался от религии в пользу атеистической коммунистической идеологии. В эпоху перестройки и экономических реформ россияне отказались от социалистического строя в пользу институтов рыночной экономики. Примеры можно продолжать. В нашей стране накоплен огромный опыт поиска и принятия иных фрактальных образцов, когда появляется осознание того, что старые образцы невыгодны всем, что они не дают возможности выходить на новый уровень развития, а сегодня конкурентоспособность на глобальном уровне важна всем без исключения. Новые зарождающиеся фрактальные образцы могут закрепляться в общественном сознании и становиться общепризнанной нормой. Примером тому выступает принципиальный отказ мирового сообщества от рабства, так как оно невыгодно всем, хотя в эпоху войн рабство в том или ином виде опять всплывает как «историческая память», вспоминание путей развития в прошлом, некоторого фрактального образца прошлого, способствовавшего выживанию.

Противоречия мужчин и женщин как противоречия, возникающие в процессе биологического и социального воспроизводства общества, связаны с гендерными ролями и их исполнением. В структурно-функциональном анализе гендерные роли взаимодополняемы, комплементарны и поэтому непротиворечивы [Parsons, Bales, 1955], но на практике это совсем не так. Возьмем в качестве примера насущные для России проблемы аборт и алименты. Здесь противоречия интересов мужчин и женщин в отношении детей особенно наглядны. На самом деле, следуя диалектической логике, мы можем рассматривать эти противоречия как источник развития, т. е. модернизации гендерных ролей. Мужчины — одинокие отцы — пример разрешения таких противоречий, правда, не совсем конструктивного, как, впрочем, и одинокие матери.

Существование различий, в том числе между мужчинами и женщинами, может рассматриваться как источник развития только при условии их синергического взаимодействия в соответствии с фундаментальным научным принципом дополнительности Бора⁴. Как скоро рекурсивные процессы распространения новых образцов преодолеют засилье фрактальных образцов прошлого? Это зависит от скорости появления новых конструктивных и выгодных всем фрактальных образцов поведения и взаимодействия, обладающих необходимыми чертами конкурентоспособности. В нашем случае конструктивный фрактал связан с формированием современного (модернизированного) типа гендерных отношений, что и выступает гендерным ресурсом развития общества. Задача государства в этом контексте — найти конструктивные способы разрешения объективно существующих противоречий гендерных групп.

Гендерная асимметрия и государственное управление

Очевидно, что управлять каким-либо процессом можно только имея в руках необходимые инструменты. Поиск адекватных инструментов управления, в том числе гендерными процессами, ведется в теории и на практике постоянно. В то же время именно здесь заметно ожесточенное сопротивление российской системы управления использованию современных подходов и методов, оказываемое

⁴ *Бажанов В. А.* Дополнительности (принцип) // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. С. 210.

в числе прочего и с целью недопущения к управлению новых социальных субъектов, что по факту означает препятствование демократизации политической системы. Здесь в полной мере срабатывает известный постулат Ф. Энгельса о том, что государство является орудием «экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом» [Энгельс, 1980: 199]. Политолог А. И. Соловьев полагает, что российские политические элиты изобретают «все более изощренные схемы перераспределения общественных благ в пользу высших слоев общества, а «социально ориентированная» политика государства сохраняет устойчивую тенденцию к увеличению бедности в стране, распространению алкоголизма и суицидальных настроений, резкому снижению численности среднего класса» [Соловьев, 2016: 103].

Сегодня в России идут сложнейшие и противоречивые процессы создания механизмов участвующего управления, предусматривающих вовлечение в государственное управление все новых и новых политических акторов. Без этого развитие демократии невозможно, однако с их полноценным включением в политические процессы возникают проблемы: не подорвет ли это стабильность государства и, что более важно, будет ли это безопасно для правящей элиты, которой есть что терять. Существующая в российской политике гендерная асимметрия свидетельствует прежде всего об отстранении женщин от возможности определять вектор политического и социально-экономического развития страны. В пореформенной России число женщин-депутатов высшего представительного органа страны — Государственной думы Федерального собрания РФ ни разу не превысило 20 %. А в составе Государственной думы третьего созыва, работавшей на рубеже столетий, женщин было всего 7,6 % (табл. 1). В этом плане соединение марксистского подхода к государству как орудию правящего класса и веберовской теории рациональной бюрократии как государственного аппарата, реализующего решения, принятые политиками, происходит вполне органично, если мы будем рассматривать данное соединение с точки зрения существования политиков (лиц, принимающих решения) и чиновников (администраторов). Известная мысль М. Вебера о том, что чиновник должен выполнять любое решение, которое примет вышестоящий руководитель, даже если он с ним не согласен [Вебер, 1990: 666], подчеркивает служебный характер государственного аппарата.

Политики принимают решения в интересах класса, пришедшего к власти (принцип «добычи»), а чиновники, исполняя их, продвигаются в соответствии со своими служебными успехами (принцип «заслуг»). С точки зрения гендерной политологии это предстает как доминирование мужчин в политике, их большинство не только в законодательных органах власти, но и на верхних этажах государственного управления. В связи с этим они выстраивают политику, не учитывающую интересы женщин, например, в части опережающего развития социальной сферы. Несмотря на то что женщины в России составляют большинство в государственном аппарате, они реализуют «мужскую» политику в силу иерархического устройства власти (табл. 2). Это приводит к тому, что гендерный ресурс, понимаемый как потенциал общественных изменений, порождаемый включением в государственную политику задачи оптимизации управления

биологическим и социальным воспроизводством населения [Кашина, 2018: 17], расходуется российским государством расточительно, растрачивается, а не воспроизводится расширенно. Гендерная политика в России направлена не на модернизацию гендерных отношений и преодоление гендерного разрыва в обществе, которые дают возможность эффективно использовать человеческий капитал населения, а на консервацию гендерных отношений и откат к гендерным образцам традиционного общества. Это сокращает возможности личностной самореализации и развития человеческого потенциала женщин и мужчин.

Таблица 1

Динамика доли женщин в Государственной думе Федерального собрания РФ (1993—2016 гг.)

Созыв	Количество, чел.	Доля, %
Первый (1993—1995)	61	13,6
Второй (1995—1999)	46	10,2
Третий (1999—2003)	34	7,6
Четвертый (2003—2007)	44	9,8
Пятый (2007—2011)	63	14,0
Шестой (2011—2016)	61	13,5
Седьмой (избраны в 2016 г.)	71	15,8
Изменение за период		+ 2,2

Примечание. Всего 450 депутатов.

Использование гендерного ресурса государственной политики и управления должно строиться с учетом его нетрадиционной природы. Традиционные ресурсы политики и управления чаще всего связываются с материальными ценностями, финансами, информацией и кадрами. К нетрадиционным ресурсам специалисты относят научное сопровождение управленческих решений и политическую культуру граждан. Они нетрадиционны, потому что, во-первых, появились только в современном, модернизированном обществе, а во-вторых, политики редко вспоминают о них и находят им применение.

Так, например, интенсивное использование гендерного ресурса в форматах участвующего управления может приводить к росту социально-экономической активности населения, в первую очередь женщин как группы, которая больше ощущает депривацию и социально-экономическую зависимость от государства, а этот тип поведения предполагает формирование гражданской, а не подданической политической культуры, т. е. интенсивное использование гендерного ресурса оказывает влияние на политическую культуру граждан, и наоборот. В случае экстенсивного использования данного ресурса будет востребована именно подданическая политическая культура и отношения социально-экономической зависимости граждан от государства, т. е. патернализм.

Таблица 2

Динамика численности работников, замещавших должности государственной гражданской службы России (2001—2016 гг.)⁵

Должности	2001 г.					2009 г.					2011 г.					2016 г.				
	Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %		Численность работников, тыс. чел.	В том числе		Доля в общей численности работников, %	
		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж
Все государственные	548,7	161,0	387,7	29,3	70,7	868,1	248,9	619,2	28,7	71,3	827,5*	237,6	589,9	28,7	71,2	758,7	212,4	546,3	28,0	72,0
В том числе:																				
в органах законодательной власти	10,5	4,8	5,7	45,8	54,2	13,1	5,5	7,6	42,0	58,0	12,9	5,4	7,5	41,6	58,4	11,5	4,3	7,2	37,6	62,4
исполнительной власти	445,4	123,7	321,7	27,8	72,2	710,9	211,0	499,9	29,7	70,3	667,1	198,6	468,5	29,8	70,2	697,0	203,1	493,9	29,1	70,9
судебной власти и прокуратуры	89,9	31,2	58,7	34,7	65,3	131,9	27,4	104,5	20,8	79,2	135,0	28,6	106,4	21,2	78,8	145,4	29,0	116,4	20,0	80,0
других государственных органах	2,9	1,3	1,6	45,2	54,8	9,9	3,8	6,1	38,4	61,6	10,3	3,9	6,4	38,9	62,1	12,2	4,3	7,9	35,6	64,4

* Данные по общей численности работников не совпадают с данными, получающимися при суммировании отдельных категорий. Расхождение составляет 2,2 тыс. чел.: на 1,1 тыс. меньше женщин и на 1,1 тыс. мужчин. Возможно, это технические ошибки. Процентное соотношение рассчитано по каждой строке отдельно, т. е. ошибки не повлияли на достоверность данных о гендерном соотношении внутри ветвей государственной власти.

⁵ Российский статистический ежегодник, 2001: статистический сборник / Госкомстат России. М., 2001. С. 47—48; Численность и состав работников, замещавших должности государственной гражданской и муниципальной службы, по ветвям власти, уровням управления и полу // Официальная статистика. Государство, общественные организации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 20.10.2018).

В результате проведения патерналистской социальной политики в России образуется обширный низший класс, больше половины которого составляют женщины. Формируется замкнутый круг: социально-экономическая зависимость женщин сокращает их политический капитал, низкий уровень политического капитала не позволяет им поставить вопрос о повышении своей ресурсообеспеченности и преодолении социально-экономической зависимости [Кашина, 2018: 33].

Политическая депривация женщин обусловлена господствующими гендерными стереотипами, в частности утверждением, что женщинам не место в политике (см., напр.: [Рябова, Рябов, 2010]). Подтверждением тому служит низкая доля женщин в парламентах на федеральном и региональном уровнях. В 2012 г. женщины составляли только 12 % всех депутатов региональных парламентов, в Брянской области — 3 %, в Тамбовской — 4 %, в Пензенской области женщин-депутаток не было совсем⁶. Достаточно большая доля женщин среди депутатов муниципальных советов картину принципиально не меняет, поскольку роль органов местного самоуправления в строго выстроенной российской вертикали власти трудно назвать ведущей. Хотя следует признать, что женщины, избранные в парламенты, конечно, не являются политически депривированными. Необходимо различать социетальный уровень депривации (уровень больших социальных групп) и ее индивидуальный уровень (уровень отдельной личности).

Проведение государством политики универсализации гендерных ролей и модернизации гендерных отношений (т. е. интенсивного использования гендерного ресурса государственной политики и управления) приведет к снижению депривации на социетальном уровне и к росту политического капитала женщин через расширение их политического участия и представительства. Повышение гражданской активности и использование социальной политики в качестве фактора экономического роста позволит постепенно перейти к преодолению на этой основе отношений патернализма, иждивенчества и социально-экономической зависимости в общественной системе, порождаемых экстенсивной политикой использования гендерного ресурса. Тем самым преодоление политической депривации женщин повлечет за собой снижение их экономической депривации, получившей название «феминизация бедности».

От экстенсивной формы применения гендерного ресурса к интенсивной

Переход от экстенсивной формы применения гендерного ресурса государственной политики и управления к интенсивной, а также всемерное развитие цифровизации, обозначенное Правительством России в качестве приоритета, определяют возможность использования как минимум трех типов эффектов, возникающих за счет преодоления гендерных дисбалансов во владении всеми формами частных ресурсов:

⁶ Женщины и мужчины России, 2012: статистический сборник / Росстат. М., 2012. С. 232—233. В 2014—2018 гг. ситуация несколько улучшилась, но поскольку Росстат прекратил публиковать сводные данные по составу региональных парламентов с учетом пола депутатов (последний раз они были представлены в сборнике «Женщины и мужчины России, 2012»), какие-то обобщения делать сложно.

— социального/социально-психологического, связанного с преодолением социальной несправедливости и формированием эгалитарных гендерных норм;
— демографического, ведущего к повышению качества населения;
— экономического, проявляющегося в повышении благосостояния и уровня жизни населения.

Интенсивная (современная) форма применения государством гендерного ресурса, как уже отмечалось, реализуется через универсализацию, модернизацию гендерных ролей и статусов, она даст возможность сократить гендерные разрывы и асимметрию за счет создания институциональных предпосылок выравнивания ресурсообеспеченности гендерных групп и преодоления гендерной сегрегации во всех сферах жизни. Интенсификация использования гендерного ресурса государственной политики и управления может осуществляться как переход от гендерно-слепой к гендерно-ориентированной политике, что позволяет постепенно менять цели, которые ставят политики перед государственной машиной, в сторону нарастания значимости учета в государственном управлении задач социального воспроизводства.

Процессы цифровизации расширяют социальное пространство за счет виртуального, рассматриваемого как зеркальное отражение реального мира. Оно включает огромную совокупность формальных взглядов и официальных материалов (официальные сайты органов власти, аккаунты в социальных сетях, в которых разворачиваются дискуссии, публикуются официальные точки зрения), а также неофициальную информацию (блоги, форумы, дискуссионные площадки, в которых гендерные группы участвуют на равных основаниях, высказывая свои неформальные взгляды и давая оценки). Виртуальное пространство открывает практически безграничные возможности для формирования новых культурных образцов, и в этом ресурсы гендерных групп оказываются во многом сопоставимыми.

Данные процессы пока только разворачиваются, и неизвестно, какие именно эффекты они дадут в будущем для основных социальных институтов общества, включая семью и государство. Однако то, что старые иерархии, в том числе гендерная, будут пересмотрены, сомнений не вызывает.

Итоги

Фрактальность гендерных отношений определяет необходимость целенаправленной государственной политики по формированию новых конкурентоспособных форм взаимодействия женщин и мужчин в обществе. В противном случае рекурсивное воспроизводство устаревших форм гендерного взаимодействия будет усиливать гендерный разрыв и асимметрию, вести к недоиспользованию человеческого капитала, ослаблять конкурентоспособность страны на мировой арене. Гендерный ресурс государственной политики и управления в этом случае будет применяться экстенсивно, т. е. растрачиваться. В результате различия женщин и мужчин, порождаемые их ролями в биологическом и социальном воспроизводстве населения, выступят не столько источником синергичного потенциала развития социума, сколько фактором воспроизводства гендерного неравенства в первую очередь в политической сфере, что идет вразрез с современными тенденциями демократизации политической системы и развития участвующего управления.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 13—22.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Аузан А. А.* Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 192 с.
- Василенко Л. А., Кашина М. А.* Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс // *Управленческое консультирование*. 2015. № 9. С. 112—119.
- Василенко Л. А., Колесникова Л. А., Писклакова-Паркер М. П.* Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // *Человеческий капитал*. 2012. № 9. С. 62—67.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения: пер. с нем.* М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
- Гурко Т. А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 3. С. 33—52.
- Калабихина И. Е.* Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // *Научные исследования экономического факультета: электронный журнал*. 2011. Т. 3, вып. 1. С. 149—176. URL: http://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2011/2011_volume_3.issue (дата обращения: 20.10.2018).
- Кананьянова Р. М.* Женщины во властных структурах // *Социологические исследования*. 2007. № 2. С. 68—75.
- Кашина М. А.* Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Сев.-Зап. ин-т управления Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. СПб., 2018. 42 с.
- Климашевская О. В., Крутов А. В.* Гендерная политика государства: генезис понятия. 2013. URL: http://womaninrussiansociety.ru/wpcontent/uploads/2013/12/2010_4_klimashevskaya.pdf (дата обращения: 20.10.2018).
- Козлова Н. Н.* Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 4. С. 58—71.
- Константинова Л. В.* Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // *Власть*. 2017. № 2. С. 16—21.
- Меланьин М. И.* Гендерные аспекты социального государства // *Обозреватель—Observer*. 2013. № 12. С. 30—38.
- Муравьева М. Г.* Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12, № 4. С. 625—640.
- Овчарова О. Г.* Логико-понятийный анализ гендерных характеристик политического управления // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия*. 2017. № 1. С. 102—106.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 3—23.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики?: (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // *Политические исследования*. 2010. № 5. С. 48—63.
- Серёда М. В.* Женщины как субъект неотрационалистской гендерной политики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 94—98.

- Соловьев А. И. Государство как производитель политики // Политические исследования. 2016. № 2. С. 90—108.
- Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Эминов Д. С. Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. № 1. С. 5—15.
- Хасбулатова О. А. Российская государственная политика по развитию человеческого капитала: гендерный аспект // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации: сборник трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Иваново, Плес, 3—5 сентября 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 351—356.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1980. 238 с.
- Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1955. 422 p.

References

- Aivazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabotaiushchei materi”: narushenie ili rastorzhenie [Contract of working mother: interruption or dissolution], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Auzan, A. A. (2017) *Ekonomika vsego: Kak instituty opredeliat nashu zhizn'* [Economy of everything: How institutions define our life], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Engel's, F. (1980) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniiami L'yuisa G. Morgana* [The origin of the family, private property and the state: In connection with the research of Lewis G. Morgan], Moscow: Politizdat.
- Gurko, T. A. (2013) O kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaia otsenka [About the concept of the state family policy of the Russian Federation for the period until 2025: expert evaluation], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no. 3, pp. 33—52.
- Kanap'ianova, R. M. (2007) Zhenshchiny vo vlastnykh strukturakh [Women in power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 68—75.
- Kashina, M. A. (2018) *Gendernyi resurs gosudarstvennoi politiki i upravleniia v sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Gender resource of state policy and public administration in modern Russia: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Rossiiskaia gosudarstvennaia politika po razvitiuu chelovecheskogo kapitala: gendernyi aspekt [Russian state policy on the development of human capital: the gender aspect], in: *Innovatsionnoe razvitie regionov v usloviakh globalizatsii: Sbornik trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Ivanovo, Plës, 3—5 sentiabria 2015 g. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 351—356.
- Konstantinova, L. V. (2017) Sotsial'naya politika kak faktor konstruirovaniia neravenstva: novaia model' paternalizma [Social policy as a factor in the construction of inequality: a new model of paternalism], *Vlast'*, no. 2, pp. 16—21.
- Kozlova, N. N. (2016) Deputatskii korpus Tsentral'nogo federal'nogo okruga: gendernoe izmerenie [Deputy corps of the Central Federal District: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 58—71.

- Melan'in, M. I. (2013) Gendernye aspekty sotsial'nogo gosudarstva [Gender aspects of the welfare state], *Obozrevatel'—Observer*, no. 12, pp. 30—38.
- Murav'eva, M. G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem'i: pravovye podkhody k traditsii i modernu v sovremennoi Rossii [Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol.12, no. 4, pp. 625—640.
- Ovcharova, O. G. (2017) Logiko-poniatiĭnyĭ analiz gendernykh kharakteristik politicheskogo upravleniia [Logical and conceptual analysis of gender characteristics of political governance], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Filosofii, no. 1, pp. 102—106.
- Parsons, T., Bales, R. F. (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*, New York: Free Press.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and perspectives], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2010) Nastoiaščii mužchina rossiiskoi politiki?: (K voprosu o gendernom disкурse kak resurse vlasti) [The real man of Russian politics?: (On the issue of gender discourse as a resource of power)], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 48—63.
- Sereda, M. V. (2011) Zhenshchiny kak sub'ekt neotraditsionalistskoi gendernoĭ politiki [Women as a subject of non-traditionalist gender policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 94—98.
- Solov'ev, A. I. (2016) Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki [The state as the producer of policy], *Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 90—108.
- Ustinkin, S. V., Rudakova, E. K., Ėminov, D. S. (2016) Gendernye strategii "miagkoi sily" nepravitel'stvennykh organizatsii kak instrument pereformatirovaniia kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii [Gender strategies of "soft power" of NGOs as a tool for reformatting the cultural code of the society and the state in Russia], *Vlast'*, no. 1, pp. 5—15.
- Vasilenko, L. A., Kashina, M. A. (2015) Budushchee gendernoĭ politiki v globalizirovannom obshchestve: rossiiskii keis [The future of gender policies in the globalized world: Russian case], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 9, pp. 112—119.
- Vasilenko, L. A., Kolesnikova, L. A., Pisklakova-Parker, M. P. (2012) Primenenie kontseptsii fraktal'nosti k issledovaniiam destruktivnykh protsessov metodami klinicheskoi sotsiologii [Application of the concept of fractality to the study of destructive processes by methods of clinical sociology], *Chelovecheskii kapital*, no. 9, pp. 62—67.
- Veber, M. (1990) Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a vocation and profession], in: *Izbrannye raboty*, Moscow: Progress, pp. 644—706.

Статья поступила 02.12.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

(Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Public Relations and Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры организационного проектирования систем управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, vasilenkola@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Organizational Designing Management Systems, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).